

Е. Н. Кухар

*О. А. Короткевич, старший преподаватель
Беларусь, Гомель, УО «ГГУ имени Ф. Скорины»*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена изучению психологического аспекта проблемы кибербуллинга среди подростков. В ней характеризуется понятие «кибербуллинг», рассмотрены способы травли в электронном пространстве, раскрываются психологические последствия. Представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей проявления кибербуллинга среди подростков.

Развитие современных информационных технологий открывает перед молодыми людьми новые возможности для профессиональной и творческой самореализации, но при этом создает ряд угроз, в числе которых – кибербуллинг. Травля в Интернете, социальных сетях и с помощью мобильной связи наносит серьезный вред психологическому и эмоциональному состоянию человека, особенно, если это ребенок или подросток.

Исследования показали, что от 5 до 20 % детей и подростков в разных странах мира сталкиваются с кибербуллингом; девочки подвергаются травле в сети чаще мальчиков [1, с. 54]. Часто случается, что травля в виртуальном пространстве оказывается продолжением или становится началом травли в реальной жизни. Ее последствия – заниженная самооценка, депрессия, ухудшение здоровья, мысли о суициде и попытки его осуществить.

У кибербуллинга есть некоторые особенности, которые делают его последствия очень серьезными. Кибербуллинг может воздействовать на жертву семь дней в неделю, 24 часа в сутки, не оставляя пространства и времени, в котором человек мог бы чувствовать себя защищенным. Атака при кибербуллинге может быть очень болезненной и внезапной. Так как электронные сообщения очень сложно контролировать и фильтровать, жертва получает их неожиданно, что приводит к сильному психологическому воздействию.

Актуальность нашего исследования мы видим в том, что явление кибербуллинга все больше становится международной проблемой. Кибербуллинг – явление социальное, в него включены не только жертвы и агрессоры, но и другие участники. Очевидны негативные последствия кибербуллинга на формирование личности человека: замкнутость, повышенная тревожность, депрессия, низкая самооценка, возникновение суицидальных наклонностей.

А. С. Зинцова подчеркивает, что распространение кибербуллинга неотъемлемо связано с развитием Интернет-технологий и увеличением случаев Интернет-агрессии. Она поясняет, что такой вид агрессии наиболее популярен среди подростков, так как Интернет-анонимность привлекает большинство пользователей социальных сетей и как следствие подростки, которые имеют склонность к насильственному поведению, оживляются. Демонстрация агрессии дистанционно не позволяет увидеть ответной реакции жертвы и уровня влияния своего поступка, не несет в себе ответственности и чувства вины за содеянные действия. Получить доступ к электронным средствам коммуникации на сегодняшний день не составляет труда, что способствует ускоренной передаче и повторению информации [2, с. 122].

М. М. Смылова отмечает, что последствия кибербуллинга психологического характера достаточно серьезны; к ним следует отнести снижение самооценки подростка, потерю уверенности в себе, нарушение психического развития, психические расстройства; психоэмоциональную нестабильность; постоянное чувство тревоги, страха, развитие паранойи; мысли о суициде [3, с. 27].

В проведенном эмпирическом исследовании приняли участие 100 человек, из них 56 мальчиков и 44 девочки, которые являются учащимися ГУО «Красненская средняя школа». Средний возраст испытуемых 15 лет.

Для выявления и изучения наличия насилия в классе, как со стороны учеников, так и педагогов, была использована методика «Буллинг-структура».

В результате исследования по методике на выявление «буллинг-структуры» выборки подростков были получены следующие результаты:

Было выявлено 13 испытуемых (13% от общего количества), которые являются инициаторами буллинга. Инициаторы (обидчики), характеризуются как индивиды, обладающие высоким потенциалом общей агрессивности. Они «нападают» не только на своих жертв, но и на педагогов и родных.

20 помощников для инициаторов буллинга (20% от общего количества). Помощники инициатора характеризуются стремлением помогать и подражать «обидчику», именно они обзывают и бьют, то есть используют прямой буллинг.

Защитников жертв буллинга было выявлено 16 (16% от общего количества). Как правило, защитники жертв буллинга обладают наибольшим авторитетом среди одноклассников, они реже всех прибегают к буллингу по отношению к сверстникам и реже сами подвергаются буллингу.

Самых жертв буллинга – 6 (6% от общего количества). Такие дети испытывают психологическое насилие, изолированность и одиночество, ощущение опасности и тревоги. «Жертвам» буллинга свойственно проявление симптомов депрессии, высокий уровень тревожности и иные сходные отрицательные эмоциональные проявления.

Сторонних наблюдателей – 45 (45% от общего количества). В ситуациях буллинга в роли «свидетелей» находится большинство детей во всем своем многообразии и разнородности. Данные дети не участвуют в агрессивных действиях по отношению к другим детям.

Далее нами было проведено исследование с помощью методики диагностики склонности к виктимному поведению Андронниковой О. О. каждой микрогруппы, выявленной в результате исследования по методике на выявление «буллинг-структуры». В результате исследования установлено, следующее:

Для микрогруппы «инициаторов» выявлены следующие показатели по шкалам: 1) по шкале склонности к агрессивному виктимному поведению низкие показатели выявлены у 4 испытуемых, средние показатели также выявлены у 4 испытуемых, высокие показатели установлены у 5 подростков; 2) по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению выявлено 3 подростков с низким уровнем, 5 со средним уровнем, 5 с высоким уровнем; 3) по шкале склонности к гиперсоциальному поведению низкий уровень выявлен у 3 испытуемых, у 9 испытуемых выявлен средний уровень, высокий уровень установлен у 1 подростка; 4) по шкале склонности к зависимому и беспомощному поведению низкий уровень выявлен у 2 подростков, средний – у 10, высокий уровень установлен у 1 испытуемого; 5) по шкале склонности к некритичному поведению низкий уровень установлен у 2 опрошенных, у 7 опрошенных выявлен средний уровень, у 4 испытуемых подростков выявлен высокий уровень; 6) по шкале реализованной виктимности низкий уровень выявлен у 1 испытуемого подростка, средний уровень у 11 испытуемых, высокий уровень у 1 опрошенного.

Для микрогруппы «помощников» выявлены следующие показатели по шкалам: 1) по шкале склонности к агрессивному виктимному поведению низкие показатели выявлены у 5 испытуемых, средние показатели также выявлены у 10 испытуемых, высокие показатели установлены у 5 подростков; 2) по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению выявлено 6 подростков с низким уровнем, 10 со средним уровнем, 4 с высоким уровнем; 3) по шкале склонности к гиперсоциальному поведению низкий уровень выявлен у 5 испытуемых, у 10 испытуемых выявлен средний уровень, высокий уровень установлен у 5 подростков; 4) по шкале склонности к зависимому и беспомощному поведению низкий уровень выявлен у 4 подростков, средний – у 11, высокий уровень установлен у 5 испытуемых; 5) по шкале склонности к некритичному поведению низкий уровень установлен у 4 опрошенных, у 10 опрошенных выявлен средний уровень, у 6 испытуемых подростков выявлен высокий уровень; 6) по шкале реализованной виктимности низкий уровень выявлен у 5 испытуемых подростков, средний уровень у 8 испытуемых, высокий уровень у 7 опрошенных.

Для микрогруппы «защитников» выявлены следующие показатели: 1) по шкале склонности к агрессивному виктимному поведению низкие показатели выявлены у 4 испытуемых, средние показатели также выявлены у 4 испытуемых, высокие показатели установлены у 5 подростков; 2) по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению выявлено 3 подростков с низким уровнем, 7 со средним уровнем, 6 – с высоким уровнем; 3) по шкале склонности к гиперсоциальному поведению низкий уровень

выявлен у 2 испытуемых, у 9 испытуемых выявлен средний уровень, высокий уровень установлен у 5 подростков; 4) по шкале склонности к зависимому и беспомощному поведению низкий уровень выявлен у 2 подростков, средний – у 13, высокий уровень установлен у 1 испытуемого; 5) по шкале склонности к некритичному поведению низкий уровень установлен у 6 опрошенных, у 8 опрошенных выявлен средний уровень, у 2 испытуемых подростков выявлен высокий уровень; 6) по шкале реализованной виктимности низкий уровень выявлен у 5 испытуемого подростка, средний уровень у 7 испытуемых, высокий уровень у 4 опрошенного.

Для микрогруппы «жертв» выявлены следующие показатели: 1) по шкале склонности к агрессивному виктимному поведению низкие показатели выявлены у 3 испытуемых, средние показатели также выявлены у 2 испытуемых, высокие показатели установлены у 1 подростка; 2) по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению выявлено 3 подростков с низким уровнем, 1 со средним уровнем, 2 с высоким уровнем;

3) по шкале склонности к гиперсоциальному поведению низкий уровень выявлен у 1 испытуемого, у 3 испытуемых выявлен средний уровень, высокий уровень установлен у 2 подростков; 4) по шкале склонности к зависимому и беспомощному поведению низкий уровень выявлен у 3 подростков, средний – у 2, высокий уровень установлен у 1 испытуемого; 5) по шкале склонности к некритичному поведению низкий уровень установлен у 2 опрошенных, у 2 опрошенных выявлен средний уровень, у 2 испытуемых подростков выявлен высокий уровень; 6) по шкале реализованной виктимности низкий уровень выявлен у 1 испытуемого подростка, средний уровень у 2 испытуемых, высокий уровень у 3 опрошенных.

Для микрогруппы «наблюдателей» выявлены следующие показатели: 1) по шкале склонности к агрессивному виктимному поведению низкие показатели выявлены у 6 испытуемых, средние показатели также выявлены у 29 испытуемых, высокие показатели установлены у 10 подростка; 2) по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению выявлено 8 подростков с низким уровнем, 24 со средним уровнем, 13 с высоким уровнем; 3) по шкале склонности к гиперсоциальному поведению низкий уровень выявлен у 8 испытуемых, у 26 испытуемых выявлен средний уровень, высокий уровень установлен у 11 подростков; 4) по шкале склонности к зависимому и беспомощному поведению низкий уровень выявлен у 9 подростков, средний – у 27, высокий уровень установлен у 9 испытуемых; 5) по шкале склонности к некритичному поведению низкий уровень установлен у 11 опрошенных, у 28 опрошенных выявлен средний уровень, у 6 испытуемых подростков выявлен высокий уровень; 6) по шкале реализованной виктимности низкий уровень выявлен у 7 испытуемых подростков, средний уровень у 32 испытуемых, высокий уровень у 6 опрошенных.

В результате статистического анализа, проводимого с целью исследования статистической значимости различий между микрогруппами по шкалам методики исследования склонности к виктимному поведению Андронникова О.О., нами не

были установлены статистически значимые различия ни по одной из исследуемых шкал.

В результате проведенного эмпирического исследования нами были установлены статистически значимые различия между следующими микрогруппами, участвующими в буллинг процессе, по шкалам методики исследования склонности к виктимному поведению Андронникова О.О.

Между микрогруппой «инициаторов» и «помощников» по шкалам склонности к агрессивному виктимному поведению, склонности к гиперсоциальному поведению, склонности к зависимому и беспомощному поведению, реализованной виктимности.

Между микрогруппой «инициаторов» и «жертв»; «помощников» и «жертв»; «защитников» и «жертв»; «защитников» и «наблюдателей» по всем шкалам методики исследования склонности к виктимному поведению Андронникова О.О.

Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования с помощью критерия Манна-Уитни, и выявленные статистически значимые различия между микрогруппами, участвующими в буллинг процессе по шкалам методики исследования склонности к виктимному поведению Андронникова О.О. можно считать психологическими особенностями данных групп.

Полученные результаты исследования могут быть использованы при информировании преподавателей, родителей, также для проведения профилактической работы в группах среди подростков. Могут использоваться психологами в индивидуальном консультировании и групповой коррекционно-развивающей работе с подростками подвергшимися кибербуллингу.

В результате проведенной нами исследовательской работы, можно сделать вывод, что в наше время кибербуллинг является действительно актуальной проблемой, ведь сейчас информационное поколение, и люди не могут находиться без гаджетов, ноутбуков, навигаторов и сотовых телефонов ни минуты. Необходимо принимать меры для решения этой проблемы и соблюдать меры предосторожности, которые помогут не стать жертвой.

Список использованных источников и литературы

1 Чистяков, А. В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: диссертация доктора социологических наук: 22.00.06 / А. В. Чистяков; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2006. – 54 с.

2 Зинцова, А. С. Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – №3 (35). – С. 122–128.

3 Смылова, М. М. Жертвы школьной травли: влияние социальных факторов / М. М. Смылова, В. С. Собкин // Труды по социологии образования. – М. : Институт социологии образования РАО. – 2012. – Т. 16. – № 28. – С. 27–45.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ